

В.П.Желиховская

Письма к Н.А.Фадеевой и Е.А.Витте (1883–1895)

От публикатора

Первые шесть писем В.П.Желиховской к Н.А.Фадеевой и Е.А.Витте, предлагаемые читателю, предваряет запись Н.В.Брусиловой:¹ «Твои письма, Вера, с рассказами». Эта надпись сделана рукой Надежды Андреевны Фадеевой, тетки нашей матери. Пакет, в котором лежали эти письма настолько был порван, что я его выбросила.

Чтобы люди, когда-нибудь заинтересующиеся этими письмами, поняли, почему мама собирала все эти рассказы и сообщала их своей тетке, надо знать характер и мирозерцание последней. В то время спиритизм был очень распространен, им очень интересовались; наша «тетя Надя» увлекалась им ужасно и всегда всех просила рассказывать ей и писать все, что случалось необычайного в повседневной жизни. В семье Брусиловых, безусловно, кто-то был сильным медиумом, хотя, может быть, и бессознательным, вероятнее всего сама Анна Николаевна² или Нина. В другом письме еще мама писала об Фигнере. Мы очень дружили с Н.Н.Фигнером³ впоследствии, но никогда об этих явлениях у нас с ним беседы не было. Лично мы от него ничего не слышали. А композитор Соловьев⁴ рассказывал о Медее Мей, будто у нее была эта сила еще до того, как она стала Медеей Фигнер⁵.

В общем, должна сказать, что в то время было множество самых необычайных явлений в этой области. Даже было время, когда мы так привыкли к ним, что совершенно не обращали внимания на них. Наша молодежь была совсем иная, чем теперь.

Вспоминается мне забавная подробность: один из наших кузенов Сережа Елагин увлекался музыкой, живописью, стремился быть архитектором, но совершенно не интересовался областью спиритизма, ок[к]ультизма, всего необычайного. Он слышал много разговоров о⁶ том, что у нашей тетушки Елены Петровны есть в Индии какие-то совершенно для него непонятные друзья «Махатмы». Он был большой комик и стал называть все, что только из ряду вон выходило, «Махатмой». Не Махатмой, а именно «Махатмой». Приходит как-то раз и заявляет:

– Кузиночки, какая сегодня со мной Махатма случилась, одна штанина на коленке продралась и некому зашить! Кто из вас иголку в руках умеет держать!

Конечно, горю его мы помогли, но и выбрали за такую профанацию тетиных мудрецов. Таких забавных болтунов и остряков⁷ между нами было мало. Среди нашей молодежи было много серьезно⁸ интересовавшихся вопросами «духа», вопросами «не от мира сего». Зачитывались журналами⁹, в которых много писалось о «вопросах философии и психологии». Даже был журнал под таким названием. В нем мы зачитывались, когда были совсем молодыми, статьями:¹⁰ профессоров Вагнера, Лопатина, кн[язя] Сергея Ник[олаевича] Трубецкого, кн[язя] Д.Н.Цертелева, Владимира Соловьева¹¹. Спиритический журнал «Ребус», издаваемый Прибытковым, у которого жена была сильным медиумом¹², был очень интересный».

Письма 1–6 публикуются полностью впервые по: ГАРФ, ф. 5972, д. 78; письмо 7 публикуется полностью впервые по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 77.

Публикация, подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница, драматург, сестра Е.П.Блаватской.

Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – тетя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, проживала в Одессе.

¹ Брусилова Надежда Владимировна (урожд. Желиховская, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926).

² Брусилова Анна Николаевна (урожд. Гагемейстер, 1861–1908) – первая жена А.А.Брусилова.

³ Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – оперный певец (тенор).

⁴ Соловьев Николай Феопемптович (1846–1916) – композитор, музыкальный критик и педагог.

⁵ Фигнер Медее Ивановна (урожд. Амедеей Мей Дзоваиде, 1859(1858, 1860)–1952) – итальянская и русская певица (меццо-сопрано), жена Н.Н.Фигнера.

⁶ Далее зачеркнуто: *то*.

⁷ Далее зачеркнуто: *среди*.

⁸ серьезно (*устар.*).

⁹ Далее зачеркнуто: *фил.*

¹⁰ Далее зачеркнуто: *Вагнера*.

¹¹ Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) – философ и психолог, профессор Московского университета, многолетний председатель Московского психологического общества и редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – философ, публицист и общественный деятель, профессор Московского университета.

12 Июля [1883 г.]. Одесса.

Дорогая Надежда Андреевна! Пишу тебе раньше, чем предполагала: пришла Орлайша¹³ и просит отправить тебе письмо. Ну и я пишу, чтоб рассказать три события – одно удивительное, а два – простых. Прежде простые. Вернулись мы с Mme Дерibas, проводив вас, и дали друг другу слово побывать взаимно. Кажется, я это совершу сегодня. На другое утро я была на почте и встретила там Цорна¹⁴. Он мне сказал, что с пересылкой крупы затруднения: та пересылочная контора, с которой он думал отправить, не принимает груза менее 10 пудов. По почте слишком дорого; но есть еще какая-то пересылочная инстанция, с которой он надеется уладить, и тогда скажет мне. Второе событие то, что я получила от Прибыткина¹⁵, издателя Ребуса, письмо, в котором он умоляет меня написать все, что я знаю о деятельности Ел[ены] Петр[овны]. Предлагал заплатить по 3 к[опейки] со строчки, распространяясь в сожалениях, что как журнал молодой и без основного капитала, не может предложить больше. Я, вероятно, соберусь написать что-нибудь и пошлю¹⁶. На другой день мы были все приглашены обедать на Лиман на грузинский обед к Аргут[инскому]-Долгорукому и очень хорошо провели день. Потом нас еще угощал Тифлисский Федоренко ужином в Северной гостинице. Одним словом, кутили. В воскресенье я пошла с купанья к Вар[варе] Семеновне. Там были Вар[вара] Павл[овна]¹⁷ и Андреевская¹⁸. Засадили играть и обыграли на полтора рубля. Бог им простит! И я прощаю тем охотней, что перед этим случилось со мной то происшествие, которым я тебя сейчас удивлю и по поводу коего я на другое утро после вашего отъезда была на почте.

Вот три раза в моей жизни, что я вижу во сне бабочку¹⁹, которая протягивает мне руку, и всякий раз со мною после такого сна случается что-нибудь счастливое, выводящее меня из больших затруднений. Она обо мне не забывает, – я это вижу. Первый раз, когда – помнишь? – в Тифлисе она подала мне с корабля руку, когда я с Федей и Ростей²⁰ погибали на маленькой лодочке. Тогда я получила обратно мой вексель на тысячу руб[лей] разорванным. А этот вексель меня страшно мучил. Потом я видела ее в Боржоми, когда приехала лечить Лену²¹ на последние 60 руб[лей], полученные с моей книжки, оставив детей просто на голод в Тифлисе. Тогда Велик[ий] Князь²² приказал тотчас же выдать мне 500 р[ублей] и представить В[ладимира] И[вановича]²³ к

Цертелев Дмитрий Николаевич (1852–1911) – философ, поэт, публицист, литературный критик, основатель и редактор журнала «Русское обозрение» (1890–1892).

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ-космист, поэт, публицист, литературный критик.

¹² Прибытков Виктор Иванович (1840–1910) – писатель, редактор и издатель спиритического журнала «Ребус».

Прибыткова Елизавета Дмитриевна (?–1896) – жена В.И.Прибыткова.

¹³ Мадам Орлай де Карво, одесская помещица. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹⁴ Цорн Густав Альбертович – секретарь Теософского общества в Одессе.

¹⁵ В.И.Прибытков.

¹⁶ В «Ребусе» в 1883 г. (№40–41, 16 октября – 23 октября; №43–44, 6 ноября – 13 ноября; №46–48, 27 ноября – 11 декабря) был опубликован очерк В.П.Желиховской «Правда о Е.П.Блаватской»

¹⁷ Речь идет о Варваре Семеновне Картавцевой и Варваре Павловне Шишковой – одесских знакомых В.П.Желиховской.

¹⁸ Варв[ара] Георг[иевна]. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Н.В.Брусилова ошиблась: Варвара Георгиевна Андреевская (1819–1876), жена доктора медицины Эраста Степановича Андреевского (1809–1872), к тому времени умерла.

¹⁹ Наша прабабушка Елена Павловна Фадеева. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, бабушка Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

²⁰ Яхонтов Федор Николаевич (1855 – до 1922) – старший сын В.П.Желиховской, оружейный мастер, владелец оружейной мастерской во Владикавказе.

Яхонтов Ростислав Николаевич (1858–1924) – кавалерийский офицер, генерал-майор (1917), сын В.П.Желиховской.

²¹ Желиховская Елена Владимировна (1874–1949) – общественная деятельница, дочь В.П.Желиховской.

²² Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) – сын императора Николая I, военачальник и государственный деятель, наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1862–1881).

земле. Теперь я тоже не в красных была обстоятельствах: кроме того, что серебро заложено за 300 р[ублей] в Общ[ественном] Кредите, но у меня было до 300 р[ублей] еще долгу, потому что вот полгода, что мне ниоткуда не платят, а я *должна* иметь 50 р[ублей] заработка по крайней мере, чтоб прожить месяц без долгу. А тут еще лечиться необходимо всем! На лечение я определила 100 р[ублей], что получу со своей Чешки; а долг меня мучил до чертиков и по ночам спать не давал. Премия, как ты знаешь, лопнула²⁴. Ниоткуда я ждать не могла. Вдруг вижу сон накануне вашего отъезда, – который я тебе рассказывала. Ни на что не рассчитывая, я думала, что она меня за руку вывела в великолепную комнату, значит, что вот ты мне Вену покажешь, – все-таки удовольствие большое и (что, тетушка, не говори!) путь к некоторой прибыли. Не тут-то было! Утром просыпаюсь, выхожу в пустую гостиную, все на лимане. Вдруг Лена бросается ко мне: «Мамочка! Триста рублей! <нрзб.>!!!» Я верить не хотела. Ума приложить не могла: откуда такая благодать?.. Что ж ты думаешь?.. <нрзб.>²⁵ прислал. «Все-де, что могу в нынешнем году; а в будущем, если возможно будет, выдам больше, а может и ничего: все будет зависеть от кредита, который мне будет дан». Вот спасибо, так спасибо! Разделаюсь я с долгами, как гора с плеч долой. Теперь, если что получу, – с собой в Вену возьму²⁶! А получу наверное, потому что сегодня опять видела бабочку: она писала свои записки (в Тифлисской спальне). Я пришла. Тетя²⁷ стала меня прогонять, что я мешаю бабочке; а она заступилась и меня не отпустила. Теперь, как только увижу ее во сне, всегда буду хорошего ждать. До свидания. Целую всех. Поклон дяде²⁸. Дай Бог всем вам здоровья.

Вера.

2

12 Июня 1888.
Москва.

Простите, что за большими хлопотами по устройству дел и переезду не собралась писать из Петербурга, хотя собиралась, положительно, каждый день. Подумайте: уложить весь дом, мебель из восьми комнат! Мы *все* забрали, потому что перевоз недорог, все обошлось мне менее 100 р[ублей], а вещей с сундуками тысячи на две.

Теперь усердно ищем квартиру, и едва найду, сообщу адрес. Пока всех просила писать *до востребования*. Москва всем моим нравится и цены несравненно доступней Петербургских. Даже квартиры гораздо лучше, чем нам говорили. Я надеюсь найти подходящую, хотя маленькую квартиру в 5–6 комнат труднее сыскать, чем прекрасную барскую в 15–20 комнат с садами и всякой роскошью. Как ни странно звучит, но совершенно справедливо, что здесь дорогие квартиры – изумительно дешевы, а дешевые – очень дороги. Как только маленькое помещение, так грязь, отсутствие водопроводов и всяких удобств. Разорение же дворян именитых так велико, что все живут или за границей, или в своих флигелях; дедовские же палаты отдают за бесценок в наем и в продажу купцам. Одни купцы теперь здесь только и живут в хоромах.

---

²³ Желиховский Владимир Иванович (?–1880) – педагог, директор Тифлисской классической гимназии и училищ г. Тифлиса (1868–1874), муж В.П.Желиховской.

²⁴ В отличие от 1883 г., в 1884 г. В.П.Желиховская получила половину премии имени И.Г.Вучины (250 рублей) за пьесу «Назвался груздем – полезай в кузов».

²⁵ Комаров, издатель «Света» вероятно, не помню. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907) – полковник российской и генерал сербской армий, журналист, общественный деятель, редактор газеты «Свет» (с 1882 г.).

²⁶ См.: *Желиховская В.П.* Прогулка в Вену // Новороссийский телеграф, 1883, №2586, 26 сентября; №2587, 27 сентября; №2588, 28 сентября; №2589, 29 сентября.

²⁷ Е.А.Витте.

²⁸ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, дядя Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, умер 29 декабря 1883 г. в Одессе.

Ты, верно, не забыла, Надя, отслужить на 9 день²⁹. Мы все служили в Конно-гвардейской церкви (где говели вместе с Вале́й) на другой день приезда в П[ете]рб[у]рг и на 20^й его кончины обедню и панихиду. В ночь накануне выезда сюда я видела его могилу и слышала его голос, говоривший: «Не думай, что я *здесь* (в могиле). Я с вами из Одессы приехал в Петербург и с вами же приеду в Москву». Вера³⁰ же видела в ту же ночь, что пришли какие-то дамы и плачут, жалея, что Валя умер, что его *нет*. Вдруг он входит с самым веселым лицом, кланяется, говоря: «Здравствуйте – и проходите в другую комнату». Я же за несколько дней видела знаменательный сон. Я звала его, держала, прося остаться с нами; он же, стоя у своей могилы, улыбался, отрицательно качая головой и повторяя: «Если б вы знали! Если б вы знали!..» Потом сам показывает мне на себя в гробу, и я вижу вокруг гроба и по рукам его, *мертвого*, крупную славянскую надпись и, читая ее, проникаюсь восторгом; а он живой, счастливый, стоя возле меня, повторял: «Вот в чем *суть*! Вот в чем вся *суть*!..» Но когда я проснула[сь] – забыла, что прочла! Оставалось только чувство благоговения. Много было еще, но всего не напишешь. Может, даст Бог, соберешься приехать в Москву, тогда расскажу. Вера на днях уедет с Гебартом³¹; я же позже поеду к Леле³². До свидания. Всех крепко целую.

Вера.

3

[29 марта – 1 апреля 1889 г.]

Милая тетя Катя!³³

Милая Надя, и Оля³⁴ с Соней³⁵, и Боба³⁶ с Катей³⁷, – Христос Воскрес! Надеюсь, что все Вы здоровы и благополучны?.. Вот и страстная на носу, и Пасха³⁸; а за ней помыслы о даче, о летних движениях, все своим чередом и все страшно быстро приходит и проходит... И слава Богу! От вас, особенно от Нади, давно нет вестей; но я утешаюсь справедливым изречением: *point de nouvelles – bonnes nouvelles*³⁹! Все же боясь, что на страстной не успею за говением и пр[очим] написать, пользуюсь свободной минуткой, чтоб Вы не думали, что я не вспомнила о вас.

Берусь за начатое четвертого дня письмо. Похвасталась я свободным временем, а мне как раз и принесли корректуру. Потом вечером гости были; на другой день в гостях сами были, перса смотрели у Лишиной; а вчера Надя тебе писала, а я в негодовании на действительно смешной

²⁹ Речь идет о кончине сына В.П.Желиховской Валериана (1866–1888), студента института путей сообщения, умершего 20 мая 1888 г. в Одессе. После его смерти В.П.Желиховская на короткое время переехала жить с семьей в Москву.

³⁰ Желиховская Вера Владимировна (в замужестве Джонстон, 1863–1920) – писательница, дочь В.П.Желиховской, с 14 октября 1888 г. жена ирландского писателя, публициста, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

³¹ Гебхард Густав (Gebhard, 1828–1900) – немецкий банкир и владелец фабрики по производству шелка, теософ.

³² Домашнее имя Е.П.Блаватской.

Летом 1888 г. В.П.Желиховская и ее дочь Вера гостили у Е.П.Блаватской в Лондоне.

³³ Мама в этом письме ошибалась, первая жена Сергея Витте была очень добрая и хорошая, но ее вооружали против нас ее возлюбленные кузины и кузены, а не она. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906), двоюродный брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Витте Надежда Андреевна (?–1890) – первая жена С.Ю.Витте.

³⁴ Витте Ольга Юльевна (1858–1908) – двоюродная сестра Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, сестра С.Ю.Витте, жила в Одессе.

³⁵ Витте Софья Юльевна (1860–1917) – двоюродная сестра Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, сестра С.Ю.Витте, жила в Одессе.

³⁶ Витте Борис Юльевич (1848–1902) – председатель одесской судебной палаты, двоюродный брат Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской, брат С.Ю.Витте.

³⁷ Витте Екатерина Ксаверьевна – жена Б.Ю.Витте.

³⁸ Пасха в 1889 г. отмечалась 9 апреля (по старому стилю).

³⁹ нет вестей – хорошие вести (*фр.*).

образ действий Над[ежды] Андр[еевны] – не твой, а Н.А.Витте – приписала на ее письме, а после пожалела, что ее выбрала, не потому, чтоб она того не заслуживала, – а потому, что стараюсь воздерживаться от всяких чувств неприязни и боюсь, что тете⁴⁰ будет неприятно. Бог с ней! *La plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a*⁴¹... Коли нет в ней чувства порядочности, то откуда же она возьмет его? Жаль только, что с Сережей⁴² никогда из-за нее не буду видеться. Ну, довольно!

Сегодня 1 Апреля. Дети со всех сторон получают письма с карточками и обманные послания, и я вспомнила, что есть у меня для тебя поздравительная картинка и фотографии, которые и посылаю. Надя шлет Оле с Соней незабудки, а Лена свой обещанный им портрет. Вчера получила тетинo письмо. Что это у тебя так часто повторяется эта противная болезнь⁴³?.. Мне вчера же вечером сказала княг[иня] Путятина и Лиза Лазарева (дочь Сумароковой)⁴⁴, что здесь какой-то цирюльник продает такие удивительные платки, что радикально лечат от рожи. Только стоит, почувствовав боль, вытереться им и сейчас как рукой снимет! Я их обеих просила узнать его адрес и непременно куплю и тебе пришлю. Путятина уверяет, что одна тетка ее только этим платком и спасается. Расскажу тебе про одну гадалщицу, которую здесь все знали. Это один из многих рассказов Бегичева (Ашанина)⁴⁵. Была здесь одна старуха-полька, белошвейка, очень хорошая и богобоязненная. Заболела она какой-то мозговой болезнью, выздоровела, но начала слепнуть. Это для нее хуже смерти было, понятно! Стала она молиться усердно, горячо, чтоб лучше ей умереть, если нельзя выздороветь. И вот увидела сон. Явился ей благообразный какой-то человек и велел побывать на богомолье в одном монастыре Смоленской губернии (забыла, как зовут его), где есть Образ Антония Римлянина (вероятно до разделения церквей, потому что и мы, и католики его почитаем)⁴⁶. Чтоб отслужила ему молебен и что тогда она «*вдвойне* прозреет!» Женщина поехала в Смоленск, помолилась в том монастыре, где действительно оказалась такая икона, и тотчас почувствовала облегчение, а возвратясь в П[ете]рб[у]рг, совсем выздоровела и принялась за прежнюю работу. Она привыкла каждый день молиться перед своим киотом, теперь же стала еще усердней молиться, благодаря Бога за исцеление. Только молясь, стала она замечать будто какое-то *движение* перед иконами: словно картины проносились между ею и ими. Она не могла понять, что это? Раз пришла к ней старуха знакомая; она стала ей рассказывать и попросила стать с нею рядом, не увидит ли и она таких же *картин* в стекле киота. Но та, разумеется, ничего не видала, а стала спрашивать, что сама-то она видит? Когда полька эта начала ей рассказывать, что ей представляется, гостья ее ужасно взволновалась и говорит: «Да ты это мою жизнь описываешь! Все это со мною было!» Та продолжала ей описывать разные картины и, таким образом, с прошлого перешла на настоящее, а наконец, и на будущее. Позвали они других людей – и им она рассказала всю их жизнь... Тут она вспомнила, что было ей обещано во сне: «*вдвойне прозреть*». Стали к ней приходять люди, гадать; она с них ничего не брала, платили ей, что каждый сам хотел, и то потому, что ведь у нее отымали рабочее время: надо же ей было кормиться! Но слава ее как удивительной пророчицы будущего росла с каждым днем так, что вскоре весь город у нее перебивал и улица, где она жила, говорят, запружена была экипажами. Каждого она сажала под образами, а сама становилась напротив и, глядя в киот, рассказывала, что в нем видела. Мне многие говорили, что она все удивительно верно предсказывала. Но кончилась ее Петербургская карьера удивительно. Раз приехала к ней графиня Игнатьева⁴⁷. Она ей все рассказала и кончила

⁴⁰ Е.А.Витте.

⁴¹ Самая красивая девушка в мире не может дать больше того, что имеет (*фр.*).

⁴² С.Ю.Витте.

⁴³ См.: *Фадеева Н.А.* Станный гипнотический феномен // *Lucifer*, 1889, т. 4, апрель (см. также: http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/NAF_fenomen.pdf).

⁴⁴ Лазарева Елизавета Феликсовна (урожд. Сумарокова-Эльстон, 1858–1940) – жена государственного деятеля П.М.Лазарева (1850–1919).

⁴⁵ Бегичев Владимир Петрович (1828–1891) – драматург, управляющий императорскими московскими театрами; описан под именем Аршавина писателем Б.М.Маркевичем (1822–1884) в романе «Четверть века назад».

⁴⁶ Антоний Римлянин (ок. 1067–1147) – святой Русской православной церкви, основатель Антониева монастыря в Новгороде.

⁴⁷ Игнатьева Екатерина Леонидовна (1842–1917) – жена Николая Павловича Игнатьева (1832–1908), государственного деятеля, министра внутренних дел (1881–1882).

тем, что видит она в стекле что-то ужасное! Кровавое, страшное дело, которое будет иметь ужасно важные последствия и на ее судьбе отзовется сильно. «Будет-де великое несчастье для многих, а вы или ваш муж лишитесь или состояния, или высокого положения, – чего-то очень большого. Многие потеряете в жизни после этой катастрофы». Игнатъевой это показалось так дерзко, что она вскочила и закричала: «Вы просто дура!..» Хотя поистине сама-то она и была настоящей дурой, но на бедную гадалку пожаловалась мужу, и полицмейстеру, и всяким властям, что той житья не стало от полицейских придирок и она объявила, что уедет на родину. И точно уехала куда-то в Польшу. Между тем разразилось 1^е Марта⁴⁸, а при настоящем Государе⁴⁹ Игнатъев действительно лишился всякого авторитета и значения. Так оправдалось ее гадание еще раз. Бегичев⁵⁰ говорит, что все, что она ему предсказывала, оправдалось. Ты, верно, помнишь его описание в первые годы в Ребусе, как у него ни с того ни с сего стала разыгрывать непостижимая музыка в маленьких стеклянных часах после сеанса спиритского, которому *в те времена* он не верил. Потом, чрез несколько месяцев, пришел к нему (вернувшись из-за границы) Маркевич; Бегичев стал ему рассказывать, указывая на эти часы, как было дело и *что* они играли; Маркевич не верил и, желая ближе рассмотреть, подошел их взять и вдруг они в руках у него заиграли одну пьесу, потом другую, так что он их чуть не бросил и не разбил. Это мне напомнило спросить тебя: писали ль мы тебе, какая неведомая музыка была у нас перед отъездом из Москвы? Если *не* писали – скажи, я опишу; но вероятно уже писали, а потому не хочу повторять. Это тоже была необъяснимая вещь! А Соловьев⁵¹ недавно в Ребусе разразился какой-то *profession de foi*⁵² на счет спиритизма⁵³! Повернулся же язык сказать, что он «всегда относился к нему критически и недоверчиво»... Он-то! Который весь заеден шишиморами⁵⁴ и сам несчастнейший из медиумов⁵⁵.

Продала я еще свою книгу Девриену⁵⁶; когда выйдет, пришло. Предлагает мне Карбасников⁵⁷ издание моих повестей, что были в Ниве; может быть, сойдуся. Да подумываю сама покуситься издать сборник, несколько повестей для юношества, которые все рекомендованы Министерством⁵⁸, а потому обеспечены выпиской в учебные заведения. Затратить надо рублей 1500 – вот что страшно! Зато выгода несомненная. Ведь Девриен мне платит самое большее 200–250 р[ублей]. Издает 3000 экз[емпляров] и их продает по 1-75 к[опеек]; вот и считать, сколько у него выгоды, если даже печать ему столько же, сколько мне обошлась, чего не может быть. Не помню, писала ли я, как опять добр и приветлив со мною был Вел[икий] Князь Мих[аил] Ник[олаевич], как долго со мною разговаривал, встретив на выставке акварельной на Морской⁵⁹? Так сердечно говорил о Вас, о том, что все мы во власти Божией: что вот и у него сын умирает⁶⁰, 9^й месяц (*тогда* шел) как страдает и свою бедную мать мучает: «Хорошо, если-де не даром все страдания, утомления, горе!..» Бог знает, будет ли жив. В самом деле, как подумаешь, 10 мес[яцев] таких страданий! У него заворот кишок. Им бедным хуже еще, чем мне, вынести приходится!..

⁴⁸ 1 марта 1881 г. был убит император Александр II.

⁴⁹ Александр III (1845–1894) – российский император.

⁵⁰ С него списан Ашанин в романе «Четверть века назад» его другом Маркевичем. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

⁵¹ Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель, поэт, критик, журналист, издатель, автор клеветнической книги о Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

⁵² исповедью (*фр.*).

⁵³ В «Ребусе» от 26 марта (№13) 1889 г. была перепечатана из журнала «Север» (№9) статья Вс. С.Соловьева «Искания религии».

⁵⁴ Кикиморы, шишиморы, «шелуха» – так Е.П.Блаватская называет низшие астральные двойники людей, которые в виде «духов» появляются на спиритических сеансах. Об этом она писала в письме к А.П.Ганенфельдту (24.03.1888): (*Блаватская Е.П. Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 206–207.*)

⁵⁵ Вс. Соловьев с 1870-х гг. принимал участие в спиритических сеансах (см. письма Н.П.Вагнера к Вс. С.Соловьеву: РГИА, ф. 1100, д. 96). О том, что Вс. Соловьев с детства обладал медиумистическими способностями см. письмо его к матери П.В.Соловьевой от 2 января 1885 г. из Парижа (РГИА, ф. 1100, д. 88).

⁵⁶ Девриен Альфред Федорович (1842 – после 1918) – книгоиздатель.

⁵⁷ Карбасников Николай Павлович (1852–1921) – книгоиздатель.

⁵⁸ Министерство народного просвещения.

⁵⁹ Речь идет о выставках, проводившихся в залах Императорского Общества поощрения художеств на улице Большая Морская в Петербурге.

⁶⁰ Алексей Михайл[ович], умер 16 лет. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

Великий князь Алексей Михайлович (1875–1895) – сын великого князя Михаила Николаевича.

Расспрашивал о дочерях; ужасно удивился отъезду Веры в Индию⁶¹. На всю залу так громко сказал: «Это ваша рыжая-то, красавица?..», что все обернулись. «Будете писать, скажите, что я поздравляю и желаю ей всякого счастья, но жалею, что она из России уехала». Сначала, когда я сказала, что она *далеко* уехала, он с чего-то вздумал: «Не в Канаду ли?» А когда я сказала – в Индию, он говорит: «Ничего! Мой сын тоже недавно был там!» – Я говорю, что Александр Мих[айлович]⁶² был и уж назад едет, а я, Бог весть, увижу ль когда Веру. Он начал меня ободрять, что Бог не без милости. Был у меня Зеленый⁶³, воспитатель Его детей, просил письмо к Елене⁶⁴ в Лондон; я дала и сказала, чтоб он ей повез каравай ржаной в подарок. Он повез. Ну, Господь с тобой и со всеми вами, милая Надя. Маша⁶⁵ просит сказать тебе, что теперь каждую субботу служит молебен и панихиду, и все наши записаны, и тетя⁶⁶, и ты, и Оля с Соней, и, разумеется, все умершие.

4

5 Февраля 1890 г.

Дорогая Надежда Андреевна, скажи мне: поверишь ли ты, что я 2 месяца собираюсь тебе писать и *не могу* найти время?.. Поверишь или нет, но это так! Конечно, потому что уж хотела я написать не письмецо, но обстоятельное письмо... Теперь собралась и уж задам тебе трезвону, на который ты обязана будешь мне ответить перезвоном. Уж, наверное, у тебя случилось или слышала ты в это время что-нибудь интересное – *отвлеченное*, потому что то, что вы в карты играете, – я сама знаю и говорить мне то в письмах излишне. Прежде дело. Опять была у Семевского⁶⁷ и переговорила, но дело плохо: сам советует обратиться к толстым журналам, заявляя, что за маленькую статью платит *иногда* 50 р[ублей] лист, но если листов 10 печатн[ых], то более 40 р[ублей] никак не может. Думаю, что то же скажет и Шубинский⁶⁸, а если хочешь, я скажу Цертелеву, он у меня был, прося сотрудничества моего. Думаю, что если он возьмет, то заплатит больше. Письму твоему я держала сама корректуру месяц тому назад, но появится оно в Старине только в Марте⁶⁹.

Теперь буду рассказывать разные удивления и страхи, но, ей Богу, не выдуманные, – разве меня обманывали те, кто рассказывал. Попрошу даже письмо это сохранить, – имею разрешение воспользоваться для печати.

Прежде мелочь, чтоб не забыть.

Я выдаю у Комаровских и Данилевских много интересных людей, между ними премилого старика Соловьева, композитора опер, – подлецу и иезуиту не родственник⁷⁰. Он дружески знаком с Фигнером и его женой, певицей Медеей Мей, и говорит, что они оба такие сильные медиумы, что вокруг них все стучит, скрипит и в квартире их все ходенем ходит. У Фигнера это, говорит, обнаружилось после бракосочетания, а пока он жил с Медеей в сожителстве незаконном, то в нем силы такой не проявлялось. Этого уж я никогда не слыхивала.

⁶¹ Вера и Чарльз Джонстоны жили в Индии с ноября 1888 по июнь 1890 г.

⁶² Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) – сын великого князя Михаила Николаевича, государственный и военный деятель, в 1886–1889 гг. участвовал в кругосветном путешествии, во время которого побывал в Индии, в 1890–1891 гг. совершил плавание в Индию на собственной яхте «Тамара».

⁶³ Николай Александрович Зеленый (Зеленой) (1844 – ок. 1916) – адмирал (1908); в 1889–1891 гг. российский военно-морской агент в Великобритании, капитан 1-го ранга; в конце 1870-х гг. в Тифлисе был одним из воспитателей детей великого князя Михаила Николаевича.

⁶⁴ Е.П.Блаватская.

⁶⁵ Мария Тимофеевна – няня в семье Желиховских.

⁶⁶ Е.А.Вигте.

⁶⁷ Семевский Михаил Иванович (1837– 1892) – историк, журналист, общественный деятель, издатель журнала «Русская старина» (с 1870 г.).

⁶⁸ Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) – историк, журналист, библиофил, редактор журнала «Исторический вестник».

⁶⁹ Речь идет о статье Н.А.Фадеевой «Елена Андр[еевна] Ган и Осип Ив[анович] Сенковский в 1836–1838 гг.», которая была напечатана в «Русской старине» (1890, №4).

⁷⁰ Вс. Соловьев.

На днях приходила ко мне никем гонима замечательная старушенция, «читала, говорит, все ваши писания, вижу, что вы человек *верующий*, и пришла просить совета и помощи: не можете ли вы ввести меня в какой-либо из здешних спиритических кружков?.. *Я непременно должна вызвать и поговорить с умершей сестрой своего мужа*». – «Нет, отвечаю, *ввести* вас не могу, потому что сама в них *не вхожа* и вам *входить* не советую...» – «Как так?! Ведь вы же верите?» – «Смотря, говорю, чему. Спиритическим явлениям – верю; но их безвредности, а тем менее святости – не верю! Много знаю случаев явлений *не вызываемых*, – те другое дело! Вполне верю, что могут быть нам добрые, правдивые, полезные сообщения, предостережения и утешения; но редко такие являются посредством насильственных вызываний. Это то же волхвование, запрещенное нам Богом, и я ни за что бы не решилась тревожить кого-либо из умерших такими вызываниями». Ну и пр[очее], все, что ты знаешь, объяснила... Вдруг моя старушонка в слезы: «Помилуйте! Что же мне теперь делать? *Она сердится!* Я должна что-нибудь сделать...» «Да в чем же дело? спрашиваю. Если уж так вам хочется, я могу попросить за вас людей, которые состоят в таких кружках». Ну и рассказала мне она следующее. Она сама – жена полковника Жадовского⁷¹, ветерана Севастопольской осады, героя Инкермана, который и ныне тянет житейскую ляжку, весь израненный и больной. Пять лет тому назад умерла его сестра, писательница Юлия Жадовская⁷². Умерла она внезапно у себя в деревне; и вдруг оказалось, что все, что она имела, даже наследственная земля, которая по закону должна была достаться брату, завещано ею какой-то неизвестной им соседке, бывшей при ней в последние дни... С братом, женой его и их дочерью жила она душа в душу; ни малейшей распри у них не бывало, до последнего дня писала им самые дружеские письма и знала очень хорошо, что кроме пенсии у них ничего нет; всегда жалела, что не может им многим помочь, особенно племяннице своей, вышедшей замуж за бедного тоже офицера Бельского. У них 4⁰ детей и живут они в крайности. Понятно, что странное распоряжение сестры их крайне поразило, а еще более то, что ее очень быстро схоронили, без врачебного или полицейского досмотра, несмотря на скоропостижную, одинокую кончину... Оно действительно странно, но еще страннее, что с той поры покойница им покоя не дает! Как подходит годовщина ее смерти и собираются они служить панихиду, так начинает она сниться то брату, то жене его. «Из году в год, рассказывала, сердитее, требовательнее. Что вы, говорит, я вас не узнаю! Зачем позволили себя обобрать? Действуйте энергичней. *Мое настоящее духовное завещание в бюро... в моем бюро налево*. И тут, рассказывает, каждый раз мы просыпаемся, словно кто нас толкнет! Как дойдет до этого в ту же секунду является еще во сне мысль, в каком бюро, где оно? Где искать?.. *Налево* от чего?.. И в тот же миг просыпаетесь, ничего не узнав».

Ну не шишиморская ли проделка с бедняками?.. Вот пятый год!

«В этот же раз, она рассказывает, я слышала просто голос ее, такой сердитый: “Люба! Где твоя энергия? Действуй! Узнавай – и найдешь”. А мне где уж и как узнавать. Я в доме при больном муже все: и сиделка, и хозяйка, подчас и кухарка. Как мне его бросить?.. Да и ехать туда мне не на что! И что я, старуха, там сделаю? Никуда меня не допустят, никто не послушает и без денег даже не доберусь я до ее *бюро*, хотя бы оно и существовало в ее деревенском доме. Нынешним летом на даче у нас такая была кутерьма: все летало, все бросалось, шум, треск! Ничто не билось и никого не ушибало, но страху сколько было. И каково, если это будет повторяться? И все снится нам: ищите своего! Ищите в бюро мое завещание. А мы бы и рады, да как искать? Пусть укажет, даст средства. Вот, говорит, просила я адвоката Бобрищева-Пушкина⁷³, рассказала все. Он говорит: “В самом деле, странные обстоятельства, и в виду упущения полицейского удостоверения смерти вы полное право имеете требовать следствия и обыска. Дайте 1000 р[ублей] – я съезжу! И дело вам сделаю...” А где нам взять такие деньги?.. Вот, слышу я, являются умершие, говорят со своими, научают. Я и задумала Юленьку вызвать... Помогите, Бога ради, попасть в такое спиритское заседание».

Ну, я обещала ей поговорить с Бегичевым, дала его адрес. Но, разумеется, *ничего не будет из этого путного*.

⁷¹ Жадовский Павел Валерианович (1825–1891) – писатель, поэт, брат Ю.В.Жадовской.

⁷² Жадовская Юлия Валериановна (1824–1883) – писательница.

⁷³ Бобрищев-Пушкин Владимир Михайлович (1852–1932) – адвокат.

Это я писала вчера. Сегодня прибегают Володя Шенгер, студент (сын сестры Влад[имира] Ив[ановича]⁷⁴), узнать адрес тетки одного Горного студента, Сережи Марсова (тоже Тифл[исский] юноша, часто у нас бывал), который третьего дня был в театре, а вчера в 6 часов вечера оделся в гости, призвал свою хозяйку и говорит ей: «Я сегодня приду поздно, а завтра у меня лекция, так, пожалуйста, разбудите меня пораньше». И вышел. А через 10 минут она слышит звонок, открывает и видит, что Сережу Марсова полицейский и дворник вносят мертвого! За воротами упал, изо рта кровь и пена – и конец!.. Совершенно здоровый, веселый. Ужасно жаль мне мать и отца. Старший сын, так хорошо кончал учение, тихий, дельный и одну страсть имел, как и Валя, – к музыке. Совсем мальчик – 19 лет!

10го Февр[аля]. Видишь ли, каково мне пишется? Чуть не неделю письма не могу дописать! Правда, что дни масленичные; все по театрам да по гостям. Сегодня утром в чудном балете была: «Спящая красавица»⁷⁵. Великолепнее этого ничего не видывала. Особенно в конце балета, где все действующие лица из сказок принимают участие попарно: Красная шапочка и волк, Кот в сапогах и Кошка-Беглянка, Сандрильоена⁷⁶ с принцем Riquet á la Houppre⁷⁷, l'Oiseau bleu⁷⁸, Peau d'âne⁷⁹, – все попарно принимают участие. И как танцуют, так это диво! Особенно Brianza⁸⁰ – Спящая крас[авица]. А когда добрая волшебница везет в замок к спящей царевне принца в лодке, то лодка-то, разумеется, стоит освещенная бенгальским огнем, а берега идут мимо – и какие берега! Чудо!.. А злая волшебница разъезжает на коте, а везут ее мыши, да какие, что хоть побожиться, что настоящие, аршинные⁸¹, только мыши. Ну, довольно, а то чуда не расскажу!

Ехала я от Курска до Москвы с Надежд[ой] Мих[айловной] Томашевской, и вот, что она рассказывала: замужем она за господином, которого очень любит, у них дети; они совершенно счастливы и вдруг является человек, приятель ее мужа, который в нее влюбляется и давай по ней помирать и умолять ее его спасти от смерти, чем бы ты думала?.. – Разведись она с любимым мужем и выходи за него! Exsusez du peu⁸²!.. Она начинает его гнать, а он начинает чахнуть и умирать; а муж ее его жалеет; в ней-то уверен, а с ним и с братом его с малых лет в дружбе и, видя его страдания и горе за него брата, который ужасно тоже его любил, просит и молит свою жену, чтоб она его пожалела, обращалась бы с ним снисходительней. Как тебе нравится такое приятное положение?.. Наконец, этому несчастному велят доктора уезжать в Славуту в хвойный лес кумыс пить⁸³. Он с ней прощается, прося простить его и в знак прощения не отказаться жить лето на его даче, где они всегда около Таганрога жили, но в этот год она умоляла мужа не жить там, чтоб с ним не быть постоянно вместе. Теперь этот несчастный говорит: «Я уезжаю и, разумеется, умру: вы меня убили вашими отказом за меня выйти замуж; так уж не добивайте окончательно вашим отвращением! Ваш муж добрее вас: он дал мне слово по-прежнему жить на даче у меня!» (Я этой даме не сказала, но думала и думаю, что ее муж не присяжный поверенный, – а тряпка! И притом тряпка не простая, а преоригинальная!). А надо знать тебе, что эта Надежда Михайловна красавица писаная. Статная, сложена великолепно; прелестное лицо с огромными, чудесными, темными глазами, волосы у нее густые, длинные, в натуральных волнах и локонах. И вот мы с ней вдвоем в купе ночью, она сидит против меня, глаза горят, волосищи по плечам падают, сама бледная от волнения и рассказывает мне свои страхи... Представь себе, что уехал этот несчастный к своему брату на станцию в Славуту или возле где-то, а брат его там, на железн[ой] дороге, лицо был – начальство какое-то, имеет хорошую квартиру там же, на жел[езно]дорожной станции. Томашевские же поселились на его даче, в саду, в очень хорошем

⁷⁴ В.И. Желиховский.

⁷⁵ «Спящая красавица» – балет композитора П.И. Чайковского (1840–1893); премьера состоялась 3 января 1890 г. в Петербурге в Мариинском театре.

⁷⁶ Сандрильона (*фр.* Cendrillon) – Золушка.

⁷⁷ Рике с хохолком (*фр.*).

⁷⁸ Синяя птица (*фр.*).

⁷⁹ Ослиная шкура (*фр.*).

⁸⁰ Брианца Карлотта (1867–1930) – итальянская балерина.

⁸¹ очень длинные, большие (*перен.*).

⁸² Только-то (*фр., ирон.*).

⁸³ Славута – в XIX веке курортное местечко в Волынской губернии с водолечебными и кумысолечебными заведениями.

доме, где до этого три лета провели спокойно. Но в это лето всякую ночь такая стала подыматься кутерьма, что они не знали, куда деваться. По ночам покою не было никогда! Начиналось с всегда запертого чердака; там кто-то бегал, стучал, бросал дверями (как их усердно днем не запирали и не забивали!). Раздавались шаги, будто кто сбегал по лестницам вниз, топоча, хлопая дверьми, стуча кулаками набегу в стены; пробежал вниз и скрывался в саду. Сад был огорожен, но люди и сами они не раз видали бегавшие фигуры, неизвестно куда исчезающие при приближении живых людей. В то же время на бедных Томашевских начали сыпаться разные печали, в семье их начали умирать разные родственники, разные дорогие им люди, траур за трауром, горе за горем. Пришлось мужу ее ехать по делам на несколько дней; она ни за что не захотела оставаться одна с детьми на милой даче, хотя к половине лета кутерьма унялась и старуха-нянька ее успокаивала, уверяя, что больше ничего не будет, что «хозяйскую смерть» в доме возвестили и больше бояться нечего. В числе смертей в их семье одна случилась совсем неожиданная и непонятная: застрелился без всякой причины двоюродный брат ее мужа, которого они очень любили, и она тоже любила его как доброго, хорошего человека. Погоревали они и забыли, по крайней мере она-то об нем и думать забыла под влиянием других забот. Тут у нее и дети болели, и сестра ее чуть не умерла; одним словом, словно этот умирающий, в нее влюбленный, на них всякие горести накликать. Ну, вот муж ее собрался уезжать из города, а она обратно в город, чтоб без него на этой заколдованной даче не оставаться; вдруг получается письмо от брата ее сумасшедшего влюбленного. Пишет он, что брат через несколько дней, очевидно, должен умереть, что он кается и страшно мучается своими поступками в отношении ее; просит у нее прощения и умоляет об одном: дать ему возможность самому просить у нее прощения и убедиться лично, что она прощает его... Одним словом, молит ее приехать хоть на один день к ним, к его жене – осчастливить их всех, дав брату его возможность спокойно умереть. Прилагались билеты 1го класса, отдельное купе и все удобства были к ее услугам. Она, было, на дыбы, – но муж стал умолять ее ехать, уверяя, что это ее христианский долг, что она этим не только любимых им людей осчастливит, но и его самого, мужа ее, лично. Словом – уговорил ее, умолил, сам отвез на железную дорогу и отправил утешить предсмертные минуты человека, желавшего у него отнять жену против ее воли... Поучительно, но, тем не менее, – оригинально! Ну, вот поехала она в самом, разумеется, неприятном расположении духа. Обер-кондуктор оказался предупрежден, вокруг нее лебезил, целый вагон ей одной отдал в распоряжение. А вагоны старинные, я не знаю, знакомо ли тебе такое устройство, но я такие знаю по дороге от Курска в Ростов. В них купе первоклассные имеют с одной стороны в длину всех окон коридор, разделяющийся дверьми с зеркалами чрез каждые 8 мест; а места эти на длинных бархатных диванах в длину всего вагона отделяются собственно от прохода занавесками вроде портьера; а между собою каждое купе отделялось высокими спинками диванов вроде стен. Она заняла одно крайнее купе из 4^х бывших в вагоне и села у окна, так что прямо против нее, *если портьера* поднята, была видна зеркальная дверь, в которой отражался весь коридор мимо купе и противоположная⁸⁴ дверь, зеркальная тоже. Весь вагон был пуст на том основании, что если б туда пустить пассажиров, то ей раздеться было бы неудобно из-за того, что не стена, только задвижная занавеска ее отделяла от коридора общего на многих пассажиров. Наступал вечер; солнце село багровое, но еще была яркая заря. Она сидела и смотрела в открытое окно на красивую местность, думая совсем о посторонних вещах, вполне спокойная, потому что уж покорилась необходимости, исполняла желание мужа и мольбу умирающего и к тому же, не любя его, чувствовала себя вполне правой и великодушной. Вдруг она почувствовала, что кто-то еще есть в вагоне, что кто-то на нее смотрит... Это ощущение присутствия еще невидимого глазами человека всем знакомо. Она не удивилась, потому что ведь вагон не был же заперт: с обеих сторон могли войти; только подумала, «что ж это кондуктор обещал, что никого не пустит?». В это время слышит она явственно шуршание приподнимаемой портьера и, еще не отрываясь от окна, сбоку видит, что на нее кто-то заглядывает. Ну, думает, – уж это нахальство! Сел бы себе в других пустых купе, но чего же на нее заглядывать?... С этой мыслью она повертывается, чтоб сказать, что тут занято, взглядывает на лицо, в двух шагах от нее *ослабившее на нее насмешливо все зубы*, и замирает от ужаса...

---

⁸⁴ противоположная (*устар.*).

Ты, да и всякий человек подумает, как и я подумала, когда она это мне говорила, сверкая глазами, вся бледная от воспоминания: ее «отвергнутый влюбленный умер и ей явился!». Не тут-то было. В том-то, по-моему, и страх этого видения: для меня его нелепая несообразность всего страшнее!

Видит она лицо человека, которого всю жизнь знала за добрейшего, любящего, преданного родственника и друга всей их семьи, которого любила, как родного брата, – лицо двоюродного брата ее мужа, того самого, что недавно застрелился, которого смерть они оплакивали, не понимая ее. Она, взглядевшись, его узнала, но при жизни никогда не видала его в таком виде: до того злобно-насмешливое, безжалостное, вызывающее выражение было теперь в этом ужасном лице, что она похолодела от ужаса, не столько испугавшись привидения, как именно страшного озлобления этого лица. «Это галлюцинация!» мелькнуло в мозгу ее. В ту же секунду она поднялась и, сама не зная каким бесстрашным чувством движимая, подняла портьеру... *Лицо* засматривало на нее, подняв портьеру от дверей; она же подняла ее посредине, чтоб сразу увидеть стоящего за ней. Она ничего не увидела, никто не стоял за портьерой; только *то же лицо*, с тою же дьявольской улыбкой, смотрело на нее *из зеркала* дверей, будто в окно! Смотрело, улыбалось и *медленно подымалось вверх*... Она оглянулась: никого. Снова обернулась к зеркалу и снова его увидела! Только оно уже скрывалось, подымаясь лбом за раму дверей, и скрылось... Но последнее, что она от него видела, искривленный рот с оголенными зубами так был ужасен, что она, не помня себя от ужаса, бросилась бежать по коридору, все время корчась от странной мысли, что, быть может, это *лицо* за нею гонится. Она знала, что ей стоит протянуть руку и дверь – *та* дверь – отворится к людям в соседнее отделение вагона; но она содрогнулась при одной мысли дотронуться до *той* двери и потому, как сумасшедшая, побежала в другой конец вагона. К счастью, она отворилась и вошел кондуктор, ранее, чем она добежала. Она была в таком состоянии, что легко могла бы свалиться, перебегая между вагонами. Как только вошли люди, она потеряла сознание и упала без чувств на руки до смерти перепуганного обер-кондуктора. Придя в себя, она его просила сама перевезти к ней на ночь нескольких дам, и страшно обрадовалась появлению одной знакомой, болтливой немки, которую пригласила даже в свое отделение.

Ты думаешь это все? Нет, еще история с нею приключилась в этом удивительном путешествии.

Приехала она на другой день утром с тем, чтоб на следующий выехать обратно. Какими восторгами и благодарностями ее встретили нечего и рассказывать! Несчастный ее полоумный обожатель был действительно при смерти, но как многие чахоточные – на ногах, сидел в кресле. Уж он и плакал, прося ее прощения, целовал ей руки, благодаря ее и ее мужа, возвеличивая до небес их обоих. На другой день погода была чудная, жаркая. Сидели они все в комнате больного, вдруг слышат еще издали, потом все ближе и ближе солдатская, хоровая, развеселая песня. Брат больного говорит: это команды возвращаются теперь каждый день из лагеря. А тот, умирающий, просит: «Пожалуйста, отворите дверь на балкон. Тепло! Дайте еще разок родную песню, разудалую, послушать!» А он когда-то был военным. Вот, встали они все исполнить его желание, но она, Томашевская, ближе других к балкону сидела и первая у дверей очутилась и в самом жару залихватского, веселого припева сразу распахнула дверь настежь... И что же!

В ту же секунду она и все приросли к месту от изумления... Вместо удалой солдатской песни в комнату ворвались звуки торжественной погребальной песни: «Со святыми упокой!».

Она бросилась, опомнившись, запереть дверь; а хозяйка дома, сестра больного, бросилась вниз – прекратить пение, узнать, в чем дело. Они были уверены, что по неосмотрительности начальника станции на платформу привезли покойника с духовенством, как довольно часто приходится отправлять из Славуты. Но прибежав вниз и взбудоражив мужа, она увидела, что ничего нет. Мало этого, – она услышала, как и все (кроме их наверху) неумолчную солдатскую, хоровую песню, которая, по свидетельству всех, и не прекращалась... Между тем, их наверху человек пять все слышали похоронную песню. Больной решил тут же: «Это для меня! Незачем мне больше мирские песни слушать: это меня отпели!» Вечером в тот же день он умер, а этот феномен ничем не объяснился.

Вот каких я тебе чудес нарасказала! Целую неделю писала: сегодня 12^е число. Правда, что дела, кроме того, много сделала, да уж и очень суетливая была неделя, масленичная.

С постом!.. И с завтрашней Пасхой!.. И с послезавтрашним летом. Все заодно и в одном – валится все в кучу, а после разберется... Только не нашим умом!.. Здесь все смерти, и дуэли, и разные в таком роде удовольствия. Вот у Драгомирова⁸⁵ второй сын самоубийца. Первый в прошлом году застрелился, потому что отец жениться не позволял; а теперь второй, мальчик 17 лет, пришел к своему брату, Семеновскому офицеру, лег в его постель, взял его револьвер и – бац себе в висок!.. И воображают бедняги, что дело в шляпе! Что обрели покой.

Скажи Мне Эрдели, что книги вышлю на днях. Всем прошу кланяться. Теперь посылки нам *не трудно* получать: я устроила, что нам их на очень близкое почтовое отделение присылают. Лампа, подмененная Петрок. прикащиками⁸⁶, кое-как мною починена... Что делать! Что это Соня болеет? Получили ли Верину брошюрку? Крепко всех вас целую. Дай Бог здоровья и благополучия. Если что хорошее во сне видели или слышали – напишите! А как нравится вам история с вензелем Ник[олая] Павл[овича]⁸⁷ на Александровской колонне?.. Спириты торжествуют. Христос с вами. До свидания.

Вера.

5

8 Окт[ября] [18]90 г.

Мне даже совестно, милая Надя, за мои письма, Вас взбудоражившие. Конечно, печень и нервы повлияли на то, что я не смогла, как всегда, сдержаться в ежовых рукавицах. На печень нужен Карлсбад, – давно посылают, и если б не Лондонское разорение⁸⁸, может быть, поехала бы с вами в будущем году; но теперь и думать нечего!

Присылай записки⁸⁹, пожалуйста. Семейский приехал, и я на будущей неделе, Бог даст, выйду из дому. Только на Надино⁹⁰ имя адресуй, чтоб без хлопот передать. Сделаю все, что смогу; но наперед говорю, на скорое печатание не рассчитывай! Дай Бог, чтоб к концу будущего года начали. Все редакции подолгу собираются, особенно с большими вещами. Но уж, разумеется, всего лучше в Старину. Я, однако, ради тебя толкнусь и к свинье Бергу⁹¹ в Рус[ский] Вестник. Может, заинтересует.

На днях видала я хороший сон, меня подбодривший. Уж очень давно не видала я Вали, а это мне нужно, как вода жаждущему. Я даже молилась, чтоб ему позволено было показать мне участие, и благодарю Бога, что он был допущен. Ты знаешь, что я всегда говорю и с ним много раз так говорила, что жизнь наша *здесь* – экзамен на получение аттестата зрелости в будущую, вечную жизнь

Вот вижу я его больным, расстроенным, и говорит он мне со слезами: «Мамочка! Страдания ничего! Их не надо бояться. А вот нехорошо, когда дурно делается и *обессиливает во время*

---

⁸⁵ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор.

⁸⁶ прикащиками (*устар.*).

⁸⁷ Николай I (1796–1855) – российский император (с 1825 г.).

⁸⁸ Речь идет о поездке в Лондон В.П.Желиховской с дочерьми Надеждой и Еленой в гости к Е.П.Блаватской.

⁸⁹ Речь идет о «Воспоминаниях Андрея Михайловича Фадеева», которые впервые были напечатаны в журнале «Русский архив» (1891, № 2–4, 5, 9–12), а затем вышли отдельным изданием (т. 1–2, Одесса, 1897). К сожалению, эти записки были опубликованы в отредактированном виде. Об этом пишет Н.В.Брусилова: «...В воспоминаниях прадедушки А.М.Фадеева, там, где он ласково вспоминает нас и нашего отца Надежда Андреевна Фадеева и София Юльевна Витте, редактировавшие эти рукописи много лет спустя после смерти автора, тщательно выскребывали все эти места» (*Брусилова Н.В. Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а. Л. 13об.–14*).

Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – государственный деятель, тайный советник (1858), управляющий конторой иностранных переселенцев (Екатеринослав, 1817–1834), член комитета иностранных поселенцев Южного края России (Одесса, 1834–1837), главный попечитель кочующих народов (Астрахань, 1837–1839), управляющий палатой государственных имуществ Саратова (1839–1841), гражданский губернатор Саратова (1841–1846), член Совета главного управления Закавказского края (Тифлис, с 1846 г.), управляющий экспедицией государственных имуществ при главном управлении Закавказского края (Тифлис, с 1850 г.); дед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁹⁰ Н.В.Брусилова.

⁹¹ Берг Федор Николаевич (1839–1909) – писатель, редактор журнала «Русский вестник» (1888–1895).

экзамена!..» Проснулась я и думаю: что это значит? (После-то, днем сообразила!)... Какой экзамен и отчего я видела Валу больным? И как-то нехорошо, смутно!.. И с этим – заснула. И вдруг опять его вижу перед собой ясно-преясно и улыбающимся, сияющим, будто еще маленьким мальчиком в белой рубашонке. И тянется он ко мне веселый и обеими руками протягивает блестящий Образ Богородицы со Спасителем на руках.

Ну! Это ясно: в том и утешение, и спасение. Думаю, что правильно истолковала свой сон: несмотря на заботы, на горе, на нервы, на печень, – мужаться и сдавать экзамен бодро. А там, Христовой милостью, может, и соединимся на жизнь беспечальную. Поддай Господи!

Ну, до свидания. Присылай рукопись.

Твоя Вера.

6

Москва. Гост[иница] Франция.
22 Янв[аря] 1891.

Ты, разумеется, удивишься этому заголовку, дорогая Надежда Андреевна, – я и сама удивляюсь своему летанию.

Дело в том, что много тут у меня переговоров и соглашений с редакциями, которые на письмах решить трудно. Да и получек предстоит малая толика, руб[лей] 700–800; вот и решила я покончить дело лично. Будь спокойна, что к Бартеневу⁹² зайти не забуду: узнаю, что он мыслит о записках. А так как по утрам я до часу дома, у себя ранде-ву⁹³ назначая разным Цертелевым, Цветковым⁹⁴, Грингмутам⁹⁵ и пр., то и решила в свободные минуты тебе писать давно обещанное письмо.

Во-первых, сообщи тете⁹⁶, что виделась я с Н.М.Бер⁹⁷; сегодня буду у них обедать. Она еще больше скрючилась, уменьшилась, но узнаваема и меня сейчас узнала. Летом умер сын ее, Миша⁹⁸, и вот она переехала на житье к Виктору⁹⁹, который женат на своей очень богатой кузине¹⁰⁰ и здесь служит великолепно по Мин[истерству] Уделов. Квартира – дворец! Говорят, теперь один из первых тузов здесь. Они оба очень милые, приветливые люди; но Мме Бер плачет и рыдает по Мише и смерть призывает так, что даже на нее смотреть тяжело. Последние 14 л[ет] у него не было падучей; она с ним неразлучно жила в деревне и, говорит, как в Царствии небесном счастлива. Анатолий¹⁰¹ с женой разведен, его четверо детей при бабушке; у Виктора тоже нет детей, а воспитывают, кроме братниных, еще племянника, сына умершей сестры жены его. Николай¹⁰² великолепно служит в П[ете]рб[ур]ге, имеет, говорят, дюжину детей.

---

⁹² Бартенев Петр Иванович (1829–1912) – историк, литературовед, издатель журнала «Русский архив» (с 1863 г.).

⁹³ рандеву (*фр.* rendez-vous).

⁹⁴ Цветков К.П. – редактор еженедельного иллюстрированного журнала для семейного чтения «Царь-колокол», который выходил в Москве в 1891–1893 гг.

⁹⁵ Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – политический деятель, один из основателей и главных идеологов черносотенного движения, с 1887 г. первый помощник главного редактора газеты «Московские ведомости», с 1896 г. главный редактор этой газеты.

⁹⁶ Е.А.Витте.

⁹⁷ Бер Надежда Михайловна (1814–1894) – жена врача, помещика Рязанской губернии Николая Ивановича Бера (1803–1878).

⁹⁸ Бер Михаил Николаевич (1841–1889) – губернский секретарь Рязанской губернии.

⁹⁹ Бер Виктор Николаевич (1845–1901) – помощник начальника Главного управления уделов, егермейстер, тайный советник.

¹⁰⁰ Бер Надежда Сигизмундовна (1852–1919) – дочь генерал-адъютанта, генерала от артиллерии С.В.Мерхелевича.

¹⁰¹ Бер Анатолий Николаевич (1847–1915) – городской судья Рязани, титулярный советник.

¹⁰² Бер Николай Николаевич (1844–1904) – чиновник Главного управления уделов, шталмейстер, тайный советник.

Теперь буду рассказывать о *вторжениях*. Да! Получила ли ты вырезки из Новостей, мои статьи¹⁰³? Там довольно интересного. До вас, верно, донесли слухи о даме, явившейся в церковь звать священника к умирающему? Об этой истории весь П[ете]рб[у]рг кричит, и хотя Комаров уверяет, что она случилась в Париже, но другие опровергают. Нотович¹⁰⁴ говорит, что его репортер всю историю проследил до корня; но вмешалась полиция и не допустила его расспросить очевидцев. Я удивляюсь: почему?.. Такие происшествия, кажется, с кровель должны бы были провозглашаться!.. Данилевская, вдова писателя (у которой я часто бываю, потому что она хорошая женщина, совсем умирает в чахотке, брошена всеми детьми из-за их раздоров по наследству отца, – срам!)¹⁰⁵, говорит мне: «Понятно почему: боятся ответственности! Мой муж, говорит, был все же – *лицо*! А сколько натерпелся, когда написал, что извозчик¹⁰⁶ ему рассказал о человеке, выходявшем из банка ночью, нанимавшем его дорого до Смоленского кладбища – и там исчезнувшем. О человеке у которого (помнишь?) *не было тени*... Сам Трепов¹⁰⁷ к нему (Данилевскому) приезжал (государыня¹⁰⁸ его присылала); очную ставку с извозчиком делали, а того беднягу затаскали по полициям, заколотили и работы лишили так, что Григ[орий] Петров[ич] сжалился и ему 25 р[ублей] подарил за то, что в беду его ввел. Ну-с, так как же не бояться бедным людям рассказывать о чудесах, с ними бывающих? Я, говорит, хотела, чтоб в биографию мужа включили его удивительные слова предсмертные – и того не сделали!»

А слова эти сказаны им были, когда уж он часов пять в агонии был *в беспмятстве*, – по-докторски. Вдруг в последнюю минуту оперся он руками о край кровати и к изумлению всех, сам приподнявшись, обвел всю комнату *повыше* голов присутствующих сознательным, счастливым взглядом и, как здоровый, радостным голосом произнес: «*Ну как же могут говорить, что на земле не все разгадано?.. Все разгадано!*» И с последним словом опрокинулся на подушки – и умер мгновенно.

Что они видят, Надя?.. Дай Бог увидим и мы. Валя, Мария Ник[олаевна] Политковская, чистая душа, и многие *видели* вокруг себя умерших; но что в последнюю секунду Валя видел, когда так твердо сказал Колачевскому¹⁰⁹: «Ничего, С[ергей] Н[иколаевич], душа с телом расстается, – *вот и все!*» Мы не знаем! Он не сказал, хотя знал, что душа уходит. А вот столетняя бабушка Калишевская умирала, так на руках у внуков вдруг открыла глаза, обвела всех изумленно-счастливым взглядом и только вскричала: «Ах! Что...» – и дух вон!.. Не дается им досказать, а надо надеяться, что хорошо то, что они видят. Возвращаюсь к даме, приехавшей к обедне за священником¹¹⁰. Просила она его взять Дары и ехать к умирающему; повезла его сама, но взойдя на лестницу, ему указала дверь, а сама извинилась, что должна зайти на минуту в соседнюю квартиру: сейчас-де возвратится. Священнику отворил юноша, по-видимому, здоровый, удивился его приходу, но к больному его не звал. Свящ[енник] в ожидании призыва не спрашивал его, где умирающий? Это у них не принято: ждут призыва, а сами не спрашивают. Разговорились они, и слово за слово молодой человека рассказал, что при матери всегда говел и причащался, но вот четыре года, что она умерла, никак не соберется: не по неверию, а по лени! А между тем мучается этим, тем более что хотя не болен, но убежден, что долго жить не будет, и его мучает, что он умрет в рассеянной жизни, без покаяния. В разговоре с ним священник, сам не ведая почему, проникся уверенностью, что ему надо помочь немедленно, предложил ему исповедаться,

---

¹⁰³ По всей видимости, речь идет о статьях В.П.Желиховской в «Новостях и биржевой газете»: «Что сделал Кили для науки» (1890, №320, 20 ноября; №323, 23 ноября); «Новое великое открытие?» (Новости, 1890, №342, 11 декабря); «Ясновидение и психометрия в Англии и Америке» (1890, №348, 18 декабря; №349, 19 декабря; №356, 28 декабря); «Жизнь отрубленной головы» (1891, №2, 2 января).

¹⁰⁴ Нотович Осип Константинович (1847–1914) – писатель, публицист, драматург, издатель и редактор газеты «Новости» (1877–1906, с 1880 г. – «Новости и биржевая газета») и журнала «Петербургская жизнь».

¹⁰⁵ Данилевская Юлия Егоровна (1838–?) – жена писателя Григория Петровича Данилевского (1829–1890).

¹⁰⁶ извозчик (*устар.*).

¹⁰⁷ Трепов Федор Федорович (1809(1812)–1889) – государственный и военный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, петербургский обер-полицмейстер (1866–1873), петербургский градоначальник (1873–1878).

¹⁰⁸ Мария Александровна (1824–1880) – российская императрица, супруга императора Александра II.

¹⁰⁹ Колачевский Сергей Николаевич (Калачевский, 1849(1850)–1911) – доктор медицины, хирург, общественный деятель, меценат.

¹¹⁰ Это было с от[цом] Иоан[н]ом Кр<нрзб.>. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

не отлагая, и причастил его. Но причапив, спохватился, сам дивясь, как же он *запасными* Дарами решился без поста и говения причапить здорового, и спросил, наконец: где же больной, для которого его призвали. Хозяин очень удивился. Кроме его никто не жил в этой квартире. Священник совсем растерялся, решил, что он ошибся номером квартиры и встал, чтоб уйти, как вдруг увидал на стене большой портрет той дамы, которая его привезла из церкви. Рассказывают, что священника так поразило все это, что он сейчас понял, что есть в этом что-то не от сего мира и будто он с намерением удержал восклицание, что вот-де та дама, что в церковь за ним приезжала, а только спросил: чей это портрет? Тот отвечал, что его матери... «Так значит вы с ней живете?» настаивал священник. «Жил! поправил его тот, я же сказал вам, что она умерла четыре года тому назад!» Тогда священник окончательно решился молчать, но следить за своим неожиданным духовным сыном. На другой же вечер он к нему наведалься и, разумеется, нашел его на столе: он умер в ночь¹¹¹.

Вот написала я тебе эту историю и, наверное, напрасно: ты, верно, ее знаешь, все газеты ее прокричали¹¹², но *до них* весь Петербург это передавал др[уг] другу устно. Мне показывали и дом, и церковь на Сергиевской, где это случилось. Но вот тебе¹¹³ четыре истории *authentiques*¹¹⁴, ибо мне их рассказывали сами очевидцы.

Одна госпожа отправилась посоветоваться к монаху (имя жаль забыла!), очень в П[ете]рб[ур]ге уважаемому в своих делах. Он ей сказал, что мог, но она усумнилась¹¹⁵ в его правоте и поехала в Оптину пустынь к монаху-схимнику, отцу Варлааму. Как только она ему рот открыла, он ее остановил: «Ведь вы уже советовались с таким-то, назвал его по имени: не верите ему – не поверите и мне... А вы лучше меньше заботьтесь о житейском, а скорее возвращайтесь домой: у вас дома дети заболели и одного уж вы в живых не найдете». Бросилась бедная назад домой и нашла двоих детей в дифтерите, а одну мертвую. Это знакомая моих знакомых. А вот, что было у Брусиловых, у Бориса, что женат на Рено¹¹⁶. Месяц тому назад только он и жена его слышат в детской их трехлетней дочери топот, будто выносят что тяжелое и много людей. Он бросился туда, разумеется, – ничего! Но на другой день Маруся их ни с того ни с сего объявила: «Муся в землю уйдет. Муся к Боженьке пойдет... *Ребенок* для мамы; Муся – не для мамы!.. Муся уйдет». Мать ее должна была на днях родить и рассказывала ей несколько раз, что у нее будет брат или сестра, маленький *ребенок*. Она всегда спрашивала об этом ожидавшемся ребенке и вдруг объявила без всякого повода бабушке и прабабушке, которые с ними же живут, такую штуку. Матери не было к счастью и старухи ничего не знали о ночном происшествии. После все это объяснилось. Дня через два сидит у них в гостях невестка, жена Алексея Брусилова. Сидят они в герметически закупоренной [комнате] ради бабушки Нины, особенно огражденной от всякого ветра, – да зимой ему откуда и быть в П[ете]рб[ур]гских домах? – Вдруг слышат шорох... Обе смотрят и видят, что листья большущей пальмы у них все ходенем ходят. Едва они успели вскочить от удивления, как вся пальма в огромной кадке *склонилась до полу* и тут же сама поднялась... Старуха-прабабушка решила, что она умрет; но через два дня заболела и через неделю умерла Маруся. И все время, когда ее лечили, говорила: «Зачем лекарства? Зачем натирания? Маруся к Богу пойдет!..» И пошла.

Прерываю рассказы чудесные, – в П[ете]рб[ур]ге кончу. Теперь я так рада! Сейчас у меня сидел старик Бартенев. Я вчера у него была, но не застала. Он явился сам, как говорит, «иметь честь со мной познакомиться». Он *все записки печатает*¹¹⁷, вот молодец! Кажется с Марта *непременно*, а может быть, и с Февраля успеет. Отдал уже в набор. Очень я рада и жалею, что возилась с этими ослами Семевским и Шубинским. Мои дела тоже, слава Богу, не дурны: 50^ш

¹¹¹ От разрыва сердца. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹¹² См.: Гражданин, 1890, №348, 16 декабря (раздел «Мысли и факты»); *Скаврр*. В поисках за чудом // Новости и биржевая газета, 1890, №352, 22 декабря; Плохие шутки... // Петербургская газета, 1891, №3, 4 января.

¹¹³ Далее зачеркнуто: *две*.

¹¹⁴ засвидетельствованные (*фр.*).

¹¹⁵ усумнилась (*устар.*).

¹¹⁶ Брусилов Борис Алексеевич (1855–1918) – действительный статский советник, брат А.А.Брусилова, был женат на Анне Николаевне Рено (?–1916).

¹¹⁷ Записки Андрея Мих[айловича] Фадеева, деда нашей матери. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

рублевая поездка окупилась почти 1000 р[ублями]. «Колокол» просил у меня, писал редактор. Я привезла маленьку[ю] вещь и очень хорошо они заплатили.

Ну, пока до свидания, голубушки. Дай Господь всего хорошего. Уезжаю завтра. До свидания.
В.Ж.

Христос вас
храни всех.
В.Жел[иховская].

Станция Николаевской
жел[езной] дор[оги]. 24 янв[аря]. 2 часа.

Вчера прерванное письмо продолжаю, так как заранее выбралась из гостиницы, чтоб не платить за сутки лишние. Бартенев, толстый, хроменький старикашка, мне очень понравился; сидел битый час и все расспрашивал обо всех и о Ел[ене] Петр[овне] преимущественно. Мне Бер молодец, была у меня (Над[ежда] Мих[айловна] никуда не двигается), потащила меня к ним на целый день, благо я в утро дела кончила и была свободна. Живут они в целом дворце казенном; приехал туда и Николай, тоже туз не малый: старший чиновн[ик] по особ[ым] поручен[иям] при Дашкове¹¹⁸ по Мин[истерству] Уделов. Над[ежда] Мих[айловна] просто трогает меня своей лаской и радостью меня видеть. Вчера утром получила я все капиталы свои по редакциям, оказалось до 900 р[ублей] почти. Кроме того, Моск[овские] Вед[омости], видя себе конкуренцию, удвоили мне построчную плату, только бы я их не отставляла. Пока жива – Бог детей милует; а что дальше?!

Вчера обедала у Б<нрзб.>; он совсем умирает; угасает вот уж второй год, но теперь уж и не встает, все спит, но когда бодрствует, голова свежа, все помнит, всем интересуется. Не явный ли знак такое постоянное переживание духом разлагающейся плоти, что ему разложения нет?

Теперь расскажу о том, что рассказывал мне Алексей Брусилов, что женат на племяннице Мне Эрдели. Он со многими своими сослуживцами по начальству над Кавалерийской Школой живут в старых-престарых домах, так называемых Аракчеевских казармах, и ты себе представить не можешь, какие чудеса там делаются.

25го.

С. П[ете]рб[ур]г. Шпалерная.

Вчера пришли на вокзал меня провожать и писание мое прервали. Я отложила до приезда, и хотя очень устала от бессонной ночи, но хочу закончить, а то опять будет много дела и завяжется письмо. Ехала я отвратительно, хотя к 17 приплатила еще 2-50 за спальный дамский вагон, который оказался хуже самого простого 2го класса: холод и в[атер]к[лозета] нет! Здесь застала Сашу Яхонтову, которая у нас прогостит всю зиму. Нашла твое письмо: не поручишь ли ты мне лучше переслать Бартеневу все приложения, а сами записки я бы тебе отослала? Это скорее и целесообразней; да к тому же я бы их еще раз сама в целости просмотрела, а то ведь он все же кое-что пропустит, как говорил мне, тобой на это уполномоченный. Время терпит: ранее Марта он не начнет печатать, в Феврале, говорил, вряд ли успеет; а приложения в самом конце нужны. Впрочем, если не хочешь, то я их отошлю к тебе – нашему А.А.Фадееву¹¹⁹, чтоб он возвратил их завтра же. Бартенев еще беспокоился, что требуемыми экземплярами ты можешь отбить подписчиков; но я его успокоила, что ты раздашь своим, которые все равно Архива не выписывают. Пожалуйста, меня не забудь. Не успела я умыться с дороги и чаю выпить, как пришел художник Соломко¹²⁰ с еще приятным известием: что журнал «Художник» уже передал ему для иллюстрировки мой большой рассказ «В среде наваждений»¹²¹. Мне издатель Авсеенко¹²²

¹¹⁸ Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – государственный и военный деятель, министр императорского двора и уделов (1881–1897).

¹¹⁹ Фадеев Александр Александрович (1810–1898) – химик-артиллерист, генерал от артиллерии, племянник А.М.Фадеева.

¹²⁰ Соломко Сергей Сергеевич (1867–1928) – художник, акварелист, график.

¹²¹ Желиховская В.П. В среде наваждений // Художник, 1891, №10.

писал недели три тому, просил дать что-нибудь в его новый журнал, я и послала, но не знала наверное, примет ли. А тут уже со мной советоваться живописец приходил. Слава Богу. И что только этот Соломко мне о себе рассказывал – диво¹²³! Но уж об этом в другой раз, а то начатое не кончу. Скажу только смешное извещение его, что он давно жаждал со мной познакомиться, но что доньше, будучи под влиянием Соловьева¹²⁴, боялся нарушить его приказ: со мной и моим зловредным домом не знакомиться. «Как же вы теперь его приказание решились нарушить? спрашиваю. Или потому что он уехал из П[ете]рб[у]рга?» – «Нет, говорит, не потому собственно, а потому что убедился, что он не духовидец, не оккультист, – а просто вор и мошенник!» Оказывается С[оловьев] у него, да и у многих других, позанимал деньги, у Соломки до 30000 на издание «Севера», а теперь ничего % не платит, *от долга отказывается*; разошелся с Гнедичем¹²⁵ и со всеми, а сам себе на чужие деньги купил мызу по Никол[аевской] жел[езной] дор[оге], переехал туда на жилье с семьей, предоставляя «Северу» *догнать в его отсутствие*. Вот шаромыжник! Брат его, Владимир, тоже сумасшедший, но не бесчестный, говорит, что он их всех, даже мать родную, обобрал.

Доскажу, наконец, что в Аракчеевских домах все жильцы постоянно видят *прежних* постояльцев, которые невозбранно прогуливаются по всему дому, вспоминая земное житье. У Ал[ексея] Брусилова постоянно прохаживается «серенький старичок»; и его же все знают и никто не боится. Иногда слышны в пустых комнатах голоса, пение, разговоры лиц, которые они слышат, да не видят; шаги, звуки перемещения предметов постоянно! А недавно соседка их, жена полковника Баумгартена¹²⁶, прибежала к ним сама не своя. Вышла она утром чай пить, чувствует пахнет ладоном¹²⁷... Не успела позвать денщика, как в зале похоронное пение. Бросилась туда, никого, и смолкло... Пришел денщик: чем тут пахнет? – «Ладном-с!» – в недоумении. Тогда она бросилась к Брусиловым, притащила Анну Николаевну: пахнет ладоном, да и только! Послали к соседям по другую сторону – и там ничего, но все в недоумении: где это, у кого похороны? Тоже слышали пение. Баумгартены приуныли, но ничего, у них все благополучно до сих пор. Про Соломку я тоже тебе напишу, только, пожалуйста, Надичка, ты мои такие письма храни: вздумая писать свои записки, памяти нет, а эти письма, какие я одной тебе пишу, единственное руководство. Бартенев просит. Может, и соберусь со временем. 30^м его рублей и вовсе не возьму, лишь бы дал он 1000 экземпляров, которые пушу в продажу. Тогда попрошу тебя все мои письма, какие есть, вернуть. Ну, целую крепко тебя, тетю, Олю и Соню. А.А.Фад[еев]¹²⁸ перед моим отъездом был у меня, очень благодарит за книги, он уж и ранее себе экз[емпляр] купил. В восторге от записок. Спрашивал, как живет Сережа¹²⁹, я дала адрес.

7

Эртелев переул[ок] 2, кв. 14.
14 Окт[ября] [18]95 г.¹³⁰

Третьего дня вернулись мы в беспросветный Петербургский туман, милые мои тетушки, а вслед за нами переслали мне твое письмо, милая Надя, и узнала я из него подтверждение того, чего боялась, – что у вас и еще теперь хуже, чем всем нам обычно живется, – что ко всем

---

¹²² Авсеенко Василий Григорьевич (1842–1913) – беллетрист, критик, публицист, издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости», журнала «Художник», «Русской газеты».

¹²³ См., например: Петербургские спириты. XIII. (У С.С.Соломко) // Петербургская газета, 1893, №57.

¹²⁴ Вс. Соловьев.

¹²⁵ Гнедич Петр Петрович (1855–1925) – писатель, драматург, переводчик, историк искусства, театральный деятель, редактировал вместе с Вс. Соловьевым журнал «Север».

¹²⁶ Баумгартен Леонтий Николаевич (1853–1931) – военачальник, генерал от кавалерии.

¹²⁷ ладаном (*устар.*).

¹²⁸ Александр Александрович, генерал-фельдцейхмейстер. Вел[икий] Кн[язь] Мих[аил] Ник[олаевич] шутя его всегда приветствовал: <нрзб.>. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹²⁹ С.Ю.Витте.

¹³⁰ Письмо моей матери к ее тетке Н.А.Фадеевой за ½ мес[яца] до своей смерти. – *Примечание Н.В.Брусиловой.* Н.В.Брусилова ошиблась, необходимо – «за ½ года»; В.П.Желиховская умерла 5 мая 1896 г.

прелестям жизни еще и физические страдания разыгрались!.. Да, что говорить, – времена не легкие. И чем дальше, тем хуже, – как ты, Надя, говоришь, – «охаёт и стонет» человечество без разбору лет и положений. Кому нынче спокойно, уж и не говорю *счастливо*, живется?.. Тяжела опустилась на мир десница Божья; кому – немного легче, кому – совсем не вмоготу, – но всем – трудно, болезненно, печально!.. Только и просвету, что дума: ведь не даром же это?.. Ведь когда же нибудь объяснится *разумность, справедливость* всех наших страданий? Когда-нибудь окончатся они – восполнятся пробелы наших несбывшихся упований на милость Божью; вознаградятся горести и долготерпение наше в непоколебимом убеждении Его правоты, мудрости, милосердия!.. Не может быть иначе: не давшие безумия Творцу найдут в Нем, наконец, Отца благого и справедливого. Вот и ждешь – ко всему готовая, утешаясь тем, что видно, чем хуже, – тем лучше, потому что близится развязка. Не знаю всем ли так, но меня, чем более я стараюсь, чем далее прохожу темный, скорбный путь, называемый жизнью, тем несомненное и крепче во мне надежда, тем ярче разгорается за тьмою этой жизни звезда будущего существования в соединении со всеми, кого мы любили и кто нас любил и за кого мы обоюдно здесь страдали и мучились. Господи! Ведь если б *это* нас не ожидало, – *все* было бы созданием не Премудрого Творца, а злобного, бессмысленного, а *потому* и безжалостного идиота... Какое же право, какую *разумную возможность* имеем мы это допускать?! Глупости и зла не может быть в таком великом деле творчества. Разум и благодать нас создавшего *должны* нам открыться, а с откровением их воздастся нам за все «мерюю доброю, утраченной»¹³¹. Если б не это убеждение, основанное на простой логике, жить совсем бы уж было нельзя. Хоть бедная моя Лена¹³² и говорила: «Терпи казак, – атаманом *не* будешь!», – но я в этом на счет несчастного нашего чистилища (если не ада) *здесь* с нею согласна, но когда мы переступим за порог нашей телесной тюрьмы и прозрим на *суть*, на истинный смысл нашего бытия, – нет! Я твердо убеждена, что каждый из нас вступит в заслуженное «атаманство»; я верю, что в него вступили все наши, ранее освобожденные от ляжки жизни, и помогают нам, и ждут нас, и радостно нас встретят. И, – Надя! Ты только представь себе, представь – с кем, в каком желанном, дорогом обществе, мы там очутимся!.. Только бы дал Господь нам «соединения всех нас, любящих, в месте светле, в месте покойне, где же несть болезнь, ни печалей»¹³³, – чего же лучше?! Чего не снесешь, не вытерпишь из-за такой надежды!..

Так-то Надичка и тетя¹³⁴, моя бедная, больная, родная тетичка. Будем стараться терпеть безропотно, потому что на страдания и на печали мы рождены; но зато будем мы, несомненно, утешены *потом*, – **будем** утешены так, как и не чаем, и представить себе здесь не умеем.

Это, по-моему, так верно, что если б не несовершенства и слабости наши, то даже и здесь наши страдания и горести должны были бы терять всякую силу над нами в силу непоколебимой уверенности нашей в будущем счастье. Да ведь они и утрачивали ее – достоверно – над людьми духовно совершенными – над святыми. Ну, мы не святые, а слабые люди, оттого и мучаем себя и других больше, чем стоят того земные болезни и несчастья; но все же, *домучившись*, – достигнем утешения, и счастья, и понимания всего.

Вот в этом *конце* и заключается, по-моему, весь смысл жизни. По вере нашей и дается нам, – это несомненно.

Простите, что вдалась в описание своей *profession de foi*: не преднамеренно, нечаянно высказалось искренно, что на душе и на уме. Надеюсь, что и Вы обе то же думаете и на то же надеетесь. И надежды наши *не будут* обмануты: «Небо и земля прейдут, – а слова Его не прейдут»¹³⁵ и не обманут уповающих на Него.

Вот смотрю я на портреты, меня окружающие; почти никого из них, слава Богу, уже здесь нет; но знаю я, – *верно знаю*, – что скоро всех их увижу, и эта уверенность освещает и осмысливает весь мрак и всю кажущуюся нелепость существования.

С радостью перенеслась бы я в Одессу тебе на помощь; да мудрено теперь и подумать еще о какой-нибудь поездке, – совсем я разорилась так, что впервые в долги вошла. Больше 200 р[ублей]

¹³¹ Лук. 6, 38.

¹³² Е.П.Блаватская.

¹³³ Молитва из Требника.

¹³⁴ Е.А.Витте. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

¹³⁵ Матф. 24, 35.

задолжала; а тут еще столько всего на зиму нужно!.. Но, по крайней мере, все же Лена¹³⁶ немного успокоилась. Тифлис ей очень понравился; особенно она довольна, что мы сделали железную решетку на могилу ее отца¹³⁷. Свидание с Федей и Ростей тоже немало нас порадовало; да и свидание со всеми остальными «родственниками», которого Л[ена] и Н[адя]¹³⁸ боялись, обошлось благополучно. Кроме Коваленских, которых мы не хотели видеть и не видали, все очень были любезны и даже чувствительны, все за нами ухаживали и всякое внимание оказывали.

Мы немного ранее выехали из Т[ифлиса], боясь гор; но зато провели 4 чудесных дня в Пятигорске, Кисловодске и пр[очих] группах. Погода была чудная, теплая; парки великолепны, в осенних красках. Я все поджидала, – не выпадет ли в П[ете]рб[у]рге снег! Не станет ли зима? Да нет: пришлось все же в грязь и туман въехать.

Я с маху, как и следовало ожидать, охрипла, осипла и закашляла и сижу дома. Как только выйду, – сейчас у Комарова побываю. Письмами с ним ничего не сделаешь.

А в Москве еще были чудесные, ясные дни.

Вчера прибежал К.Ф.Ган¹³⁹. Все бегают и суетится. Ел[изавета] Ал[ексеевна]¹⁴⁰, говорит, здорова; на днях оба придут, рады, что я теперь в 2^м этаже всего. А брата своего, Александра¹⁴¹, он похоронил. Рассказывал, что Эрделли была в Висбадене с ними вместе.

А где же Ольга с Соней? Неужели все еще за границей? В Т[ифлисе] ко мне прибежала Гостинская, все такая же. А Агаева на костыле ходит, – упала и ногу себе повредила; но все такая же говорунья. Все вам очень кланяются.

Не оставляйте долго без вестей, милые. Храни вас Господь. Крепко целую.

Вера.

---

¹³⁶ Е.В.Желиховская.

¹³⁷ В.И.Желиховский.

¹³⁸ Н.В.Брусилова.

¹³⁹ Ган Константин Федорович (1820–1903) – тайный советник, брат А.Ф.Гана.

¹⁴⁰ Ган Елизавета Алексеевна (1825–1903) – жена К.Ф.Гана.

¹⁴¹ Ган Александр Федорович (1809–1895) – военачальник и государственный деятель, генерал от инфантерии.